

К

нига Натальи Моловцевой «Берега вечности»¹ включает избранные рассказы и повести писательницы, значительная часть которых уже оценена читателями.

Написанные доступным языком, отличающиеся легкостью изложения, рассказы писательницы не производят впечатления поверхностных и неглубоких. Всего нескольких произведений достаточно, чтобы читатель понял, что Моловцева — внимательный и проницательный автор, что внутренний мир ее персонажей предельно реалистичен.

Тонкие, душевные истории затрагивают жизнь разных людей — мужчин и женщин, детей и родителей. Каждый из персонажей лишь на первый взгляд кажется самым обычным, ничем не примечательным и не слишком интересным. Но постепенно эти «простые» люди ярко раскрываются в своих душевных переживаниях, доказывая правоту истины, что людей неинтересных в мире нет... Благодаря небольшим, но содержательным деталям становится очевидным, насколько проницателен и глубок взгляд на мир у внешне незатейливых персона-

---

¹ Моловцева Н.Н. Берега вечности. — Тамбов, 2016.

жей. Это ярко показано в образе Алены, героини одного из самых удачных рассказов сборника — «Амброзия». В своей не слишком счастливой, а житейской точки зрения, жизни женщина не только находит силы для терпеливого ее принятия, но и открывает свой собственный, необычный способ преобразования проблемных ситуаций в позитивные: *«Вдохнуть боль — выдохнуть любовь»*. Ее спасением от различных жизненных неурядиц становится творчество, поэтические строчки, которые *«всплывали поверх всего, что называлось жизнью, оставляя только слабое воспоминание об испытанном и прошедшем, наполненные уже каким-то новым смыслом и светом, и этот свет, этот смысл были куда важнее и значительнее того, что приходилось переживать»*.

И вот уже ничем не примечательная трава с поэтическим названием «амброзия» становится для героини поводом для мимолетного «выпадения» из окружающей ее реальности: *«Думаю, какое это красивое слово — амброзия. Сколько в нем гласных... и как легко они складываются в согласие»*. Удивительно, но подобные «чужачества» героини несут за собой благодатные плоды: смягчается сердце мужа, умиротворением наполняется душа самой Алены, внезапно появляются силы для того, чтобы справиться с новыми «ударами судьбы», которые при ближайшем рассмотрении оказываются не такими и страшными. Рассказ «Амброзия» вызывает и несколько неожиданную ассоциацию — с самобытной кинокартиной южнокорейского режиссера Ли Чхан Дона под названием «Поэзия». Героиня этого фильма, любопытная и слегка эксцентричная пожилая женщина, проживающая в маленьком провинциальном городке вместе со своим внуком-школьником, случайно попадает на курсы обучения стихосложению в местном Доме культуры. Благодаря этому Миджа открывает для себя совершенно новый, ранее неведомый ей мир, мир поэзии, мир красоты слов и смыслов. Она начинает искать «поэзию» в своем обычном окружении, в самых прозаичных и простых вещах, на которые никогда раньше просто не обращала особого внимания. И ей, как и Алене, героине рассказа «Амброзия», это помогает сделать свою не слишком-то легкую жизнь осмысленной, наполненной внутренним светом, помогает принять не только себя, но и правду другого человека. Сколько общего в истории этих двух женщин из разных стран и совершенно разных культур!

Нечто подобное испытывает и героиня рассказа Натальи Моловцевой «Круги на воде», Светлана, для которой отдушиной является такое, в общем-то, не женское занятие, как рыбалка: *«Она бросала удочку, круги на воде разбивали и деревья, и небо, но потом покой восстанавливался. <...> И чудилось, что в ней, этой воде, тонули не только дубы и осины, и облака, но и еще что-то, в воздухе незримо витающее, от чего сердце сладко замирает, а на душу нисходит покой, и навевает он не дрему, нет, а вовсе наоборот — восторг и желание понять о жизни что-то такое, что в суете будней понять просто не успеваешь»*. Тишина, одиночество и созерцательность оказываются для героинь рассказов Моловцевой той питательной средой, в которой зреют их самые сокровенные мысли и чувства.

Как правило, женщины, появляющиеся на страницах произведений писательницы, отличаются скромностью, трудолюбием, естественностью поведения и каким-то особенно тонким, душевным обаянием. Но это далеко не шаблонные положительные образы, за которыми неинтересно наблюдать. Они ошибаются, но, ошибаясь, учатся, растут и, что важно, всей душой жаждут понять себя и мир. Даже если иногда такое понимание приходит слишком поздно: *«И еще думает Катерина: а ведь то, что было, — это и есть счастье. Она за ним по свету гонялась, а оно всегда было рядом...»* («За счастьем Катерина ездила»).

Внутренняя жизнь семьи, взаимоотношения с самыми близкими людьми — вот где способность к пониманию особенно необходима современной женщине. Глу-

боким лиризмом наполнены строки рассказа «Драм-степ», в центре сюжета которого попытка бабушки органически влиться в жизнь стремительно взрослеющей внучки: *«Ей ведь тоже нелегко взрослеть. Я просто забыла, как это бывает. Я забыла, что наступает возраст, когда пришла пора увидеть — своими глазами увидеть! — мир, в который пришла. Увидеть, понять и оценить его — опять же, самой, без посторонней помощи, без всяких указчиков и подсказчиков. Разве со мной было не так? Разве со всеми бывает не так?»* Способность понять родного человека и помочь, если он оказался в беде, — одна из характерных черт, присущих зрелым героиням произведений Натальи Моловцевой.

Есть и еще одна — чуткий интерес и трепетное отношение к истории своей семьи, к жизни давно ушедших предков. Этому посвящена замечательная повесть, давшая название сборнику, — «Берега вечности». Загадка из жизни прадеда становится поводом для путешествия героини вглубь семейной истории, а далее — и в историю целой страны. Благодаря «путешествию» у героини повести не просто появляется шанс прочувствовать духовную связь поколений, но и лучше понять себя саму. Рассказы «Белы снега выпадали», «Нитка рябиновых бус», «Летают майские жуки» звучат в унисон и гармонично продолжают ту семейную проблематику, начало которой было положено в повести «Берега вечности».

Еще одна интересная особенность, которую хочется отметить, состоит в том, что рассказы сборника «Берега вечности» очень органично воспринимаются в русле литературной традиции, довольно часто отсылая читателя к знакомым образам и ситуациям. Трудно не вспомнить знаменитое ахматовское утверждение *«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда»*, читая рассказ «Амброзия», героиня которого так рассуждает об истоках своего творческого импульса: *«...отдельные строчки, которые нечаянно находились между рядьями огурцов и лука, выпадали из яслей коровы, вместе с июльскими ливнями стекали с крыши или каплями падали с веток промокших вишен — укладывались в строфу, строфа — в стихотворение»*.

На страницах сборника можно «повстречаться» с Александром Блоком, Андреем Белым, Иваном Буниным. Так, Ким, герой рассказа «Чужой», однажды *«...принялся набрасывать женский портрет: барышня в шляпке, влоборота к зрителю, глаза не горят, а лампадно светятся и как бы о чем-то вопрошают. Хотя бы здесь — пусть дышат духами и туманами»*. И оказывается, что его, жителя глухой провинции, именно блоковская «Незнакомка» вдохновляет написать первый женский портрет.

Возникает ощутимая переключка с «Легким дыханием» Ивана Бунина в рассказе «Другое, высшее блаженство». Его героиня, которую, что примечательно, тоже зовут Оленька, так рассуждает о природе любви: *«Валерия, ты, конечно, сильная женщина, но представляешь любовь как-то странно. Ты воображаешь ее как материальный предмет с четкими опознавательными знаками. Ну, как коробку с обувью, например. Вот она: прямоугольной формы, и на ней написано — туфли, цвет — коричневый, размер тридцать седьмой. А на самом деле...»*. И в этом «а на самом деле» кроется самая главная загадка, которая не дает покоя подруге Оли. В чем оно, «другое, высшее блаженство», о котором поется в известном романе? Оля же, если не понимает, то, по крайней мере, чувствует, что не все в нашем мире выразимо словами: *«И тогда она подумала точно как Валерия: разве так может быть, чтобы любовь — из ничего? Но если она, как и дети — чудо...»*

Житейская путаница человеческих отношений, неизменный тонкий психологизм, разговор героев по душам с читателем, — отзываются в душе, будоражат чувства своей достоверностью и убедительностью. Открыв рассказ, погружившись в его обособленный мир, в его так называемый «психологический быт», читатель

начинает ощущать, что в его руках роман — и никак не меньше! Хочется отметить и особую концентрированность и многослойность текста, заставляющего мысленно возвращаться в прочитанное, обдумывать и обсуждать содержание, видеть все новые и новые смыслы, вновь возникающие из, казалось бы, уже освоенных сюжетных глубин. В рассказе «Люба, равная Вселенной» есть что-то от традиций философской прозы: *«Как это возможно, чтобы обычный человек сравнился с необъятной Вселенной? Да откуда ей про это знать, Любке без образования? Она только именно что чувствует: вселенная и она — одно и то же. У Вселенной и у нее — одни жилочки, одна кровь. Одна душа...»*.

Сквозная и фундаментальная для русской литературы тема «Человек и его место в мире» по-своему понимается Любкой, работающей русской женщиной, весь жизненный уклад которой строится по привычной и, казалось бы, не способствующей философскому мирозерцанию схеме: *«встань в четыре, убери за скотиной, накорми, напои, подои»*. Вот так и складывается в произведениях Натальи Моловцевой из стандартных компонентов повседневной жизни русской женщины — дом, семья, работа — мир необходимый и целостный, этой самой частной жизнью не ограничивающийся, потому что в ней все то, что делает ее *Жизнью*.

